

Отдел 5.

Кооперация как социальное движение

- Глава I. Классовая природа и политическая позиция кооперации
- Глава II. О кооперативном идеале

Глава I. Классовая природа и политическая позиция кооперации

1. Аргументация в пользу внеклассового характера кооперации

В кооперативной литературе обычно утверждается, что кооперативы являются внеклассовыми организациями. Кооператив согласно этому взгляду есть такая хозяйственная организация, которая по самому своему существу не связана ни с каким определенным общественным классом и открыта для всех сочувствующих ей. В особенности это кажется бесспорным относительно потребительской кооперации. Ведь всякий человек, какому бы классу он ни принадлежал, всегда вместе с тем и потребитель. Не существует особого класса «потребителей», значит, потребительское общество, если только оно построено правильно, должно быть открыто для всех потребителей, совершенно независимо от того, к каким классам принадлежат последние. Поэтому кооператив, а в особенности потребительский кооператив, не должен иметь классового характера, и всякая попытка приурочить кооперацию к определенным классам должна быть отвергнута как основанная на недостаточном понимании природы кооперации.

И действительно, нельзя спорить, что кооператив является организацией, открывающей свои двери для всех желающих. Если миллионер пожелает стать членом потребительского общества, то общество, конечно, так же охотно примет его в свой состав, как всякого другого. Поэтому, с точки зрения своей внешней формы, кооперативы, естественно, противопоставляются таким организациям, которые охватывают только лиц определенных профессий и которые закрыты для лиц иной профессии или иного общественного класса. Возьмем, например, какой-нибудь рабочий союз, хотя бы рабочий союз углекопов. В эту организацию никоим образом не могут войти, с одной стороны, рабочие других отраслей труда, кроме добычи угля; с другой же стороны, в союзе по самому существу дела не могут принимать участие и владельцы угольных копей, ибо союз для того и существует, чтобы защищать интересы рабочих в борьбе с работодателями.

Напротив, потребительское общество, устроенное теми же углекопами, имеет иной характер. Оно должно быть открыто как для рабочих, которые ничего общего с добычей угля не имеют, так и для капиталистов, владельцев копей. Действительно, для чего

обществу закрывать свои двери перед капиталистами? Ведь рабочие, состоящие членами общества, только выигрывают от участия в обществе богатых людей, приносящих с собой не только паевой капитал, но и значительную покупательную силу.

Поэтому рационально организованное потребительское общество должно быть построено совершенно иначе, чем рабочий союз: оно должно быть открыто для всех желающих и никого не должно отвергать, если только данное лицо удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются ко всем, принимающим участие в общественном деле.

Все это совершенно бесспорно, и вот на основании этих-то соображений и говорят, что кооперация стоит вне классов, которые за пределами кооперации ведут между собой ожесточенную борьбу. Кооперация согласно этому представлению есть как бы некоторый оазис в современном капиталистическом обществе, раздираемом классовой борьбой; в этом оазисе царит социальный мир и исчезает антагонизм интересов, место которого заступает общая гармония.

Так смотрит, например, на кооперацию выдающийся деятель современного международного кооперативного движения, бывший секретарь Международного кооперативного союза Ганс Мюллер. Для него потребительское общество и капиталистическая система современности — это два разных мира.

“ «Потребительское общество, — говорит он, — в целом является полной противоположностью капиталистическому предприятию, и не только со стороны своих хозяйственных принципов, но и со стороны социальных и нравственных тенденций. В капиталистических предприятиях мы — в царстве противоречий классовых интересов погони за богатством и наслаждением, короче — в царстве мамоны; в потребительском обществе, напротив, мы — в царстве экономической и социальной солидарности, в царстве высших культурных интересов, в царстве социализма. Все живые силы его мы находим в потребительском обществе... Потребительское общество — не привилегия одного какого-нибудь класса. При приеме в члены оно не спрашивает ни о занятиях, ни о поле, ни о положении, ни о расе; оно не требует ни аттестаций, ни рекомендаций. Каждого охотно принимает общество. Все то, что носит образ человека, может войти в потребительское общество и имеет равные права с другими членами».

Сходным образом смотрит на этот вопрос и другой выдающийся деятель современного кооперативного движения Георг Кауфман, создатель и генеральный секретарь Центрального союза германских потребительских обществ, являющийся вместе с тем одним из наиболее выдающихся теоретиков кооперации. «Потребительская кооперация, — говорит Кауфман, — служит членам всех классов, которые обращаются к ней, и как раз в той мере, в какой они обращаются к ней. Здесь нет преимущества одного класса перед другим; никто не в состоянии употребить помощь кооператива только для себя как привилегию. Кооператив постоянно служит членам всех классов, насколько они являются в качестве организованных потребителей и насколько они как таковые, невзирая на классовые

перегородки,, соединены в один большой, однородный, всеобщий потребительский кооператив. Вне этого кооператива они могут оставаться яркими классовыми борцами.

Эти взгляды могут считаться типичными для большинства кооперативных деятелей как на Западе, так и в России. Нетрудно понять, в чем заключается ошибочность всей приведенной аргументации. Аргументация эта основывается на чисто формальном толковании внешних признаков кооператива. Действительно, потребительский кооператив является организацией, открытой для всех потребителей, без различия сословий, классов и профессий. Но ведь отсюда не следует, что все классы общества в равной мере обнаруживают готовность входить в состав этих открытых организаций. Чтобы примкнуть к кооперативной организации, нужно иметь для этого достаточные побудительные мотивы. Одинаково ли сильны эти мотивы для лиц всех классов общества? Вот в чем заключается вопрос, ответ на который может быть только отрицательный.

Тот же Георг Кауфман, настаивающий в теории на внеклассовом характере потребительских обществ, совершенно отказывается от своего тезиса, переходя на конкретную почву фактов.

“ «Потребительские кооперативы, — заявляет он, — служат для защиты интересов потребителей. Потребительский интерес существует не только в рабочем классе. Таким же интересом обладают и служащие. Потребительский интерес сильно выражен и в крестьянстве, как это показывают примеры Дании, Венгрии, Финляндии и России. И у мелкой буржуазии потребительский интерес не противоречит их производственному интересу. Таким образом, не один класс, а четыре из шести социальных классов заинтересованы в развитии потребительских кооперативов».

Итак, что же утверждает Кауфман? То, что потребительские общества суть внеклассовые организации? Отнюдь нет, по его собственным словам, в потребительских обществах заинтересованы не все общественные классы, а только некоторые, именно четыре класса из шести. Какие же общественные классы, по мнению Кауфмана, не заинтересованы в потребительской кооперации? Очевидно, что два имущественных класса — крупные землевладельцы и крупная буржуазия.

Все это сознается Кауфманом, как и всяким, сколько-нибудь знакомым с кооперативным движением.

“ «Само собою разумеется, — говорит он, — и нет надобности это подчеркивать, что некоторые потребители никогда не помышляют сделаться членами потребительских кооперативов. У некоторых лиц производственные интересы настолько превышают потребительские, что они становятся во враждебное отношение к потребительской кооперации. Другие же живут в таких хороших условиях, что мелкая хозяйственная выгода, которая предлагается им потребительской организацией, не играет

для них никакой роли. Ни один потребительский кооператив и не думает о том, чтобы приспособлять свое хозяйство к потребностям миллионов, которые принципиально могли бы быть его членами. Кооперативная организация хорошо знает, что эти миллионеры едва ли станут членами ее, хотя бы двери кооперативов и были открыты для всего народа. Вход открыт, но не каждый заходит в него, а потому каждая кооперативная организация соотносит свою практическую деятельность с потребностями того слоя населения, который не остается вне кооперации, но фактически участвует в ней».

Что же выходит? То, что потребительская кооперация является, по мнению Кауфмана, организацией не внеклассовой, а объединяющей лишь некоторые классы современного общества, именно трудящиеся классы. Ведь все четыре класса, перечисленные Кауфманом в качестве единственных, для которых существует потребительская кооперация, суть трудящиеся классы в противоположность двум нетрудящимся классам — крупным землевладельцам и крупной буржуазии. Напрасно только Кауфман говорит о четырех трудящихся классах современного общества, между тем как нужно говорить о трех таких классах — рабочем классе, крестьянстве и мелкой буржуазии (промежуточном классе между трудящимися классами и буржуазией). Служащие, рассматриваемые Кауфманом как особый класс, входят в состав более широкого рабочего класса, а отчасти мелкой буржуазии. Но если даже вместе с Кауфманом и признавать наемных служащих особым классом, все же ясно, что Кауфман, вопреки своему собственному заявлению о внеклассовом характере потребительского общества, признал потребительскую кооперацию хозяйственной организацией только некоторых классов современного общества, иначе говоря — организацией классовой.

Впрочем, с этим в сущности все согласны. Кто же отрицает, что кооперация есть организация нетрудящихся, капиталистических классов, как, например, картели, тресты и т.п. С этим никто не спорит. Но ведь если так, то как же отказать кооперации в классовом характере? Ведь, чтобы быть действительно внеклассовой организацией, кооперация должна была бы охватывать не только трудящиеся классы, но также и классы капиталистические. Если же этого нет, то совершенно ясно, что кооперацию следует признать организацией с определенными классовыми чертами.

2. Классовые и внеклассовые организации в современном обществе

Нужно, однако, заметить, что фактически в кооперативах действительно участвуют все классы общества, участвуют не только рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия, но и крупные капиталисты и крупные землевладельцы. Возьмем, например, сельскохозяйственную кооперацию. Участие в ней помещиков, даже самых крупных, даже владельцев латифундий, чрезвычайно характерно для многих стран. В Германии, например, политическая позиция сельскохозяйственных кооперативов определяется политическими

интересами крупных помещиков. То же наблюдается в Бельгии, Франции и других странах.

Нисколько не отрицая этого, мы все же должны признать сельскохозяйственную кооперацию хозяйственной организацией в интересах отнюдь не помещиков, а крестьянства. Классовые интересы крестьянства, а отнюдь не помещиков определяют собой всю структуру этих хозяйственных организаций.

Действительно, какой смысл имеет демократическая организация кооперативов, как не защиту интересов именно трудящегося люда? Откуда, например, правило, что каждый имеет в общем собрании только один голос независимо от числа паев в своих руках, какой смысл имеет запрещение скопления в одних руках более определенного числа паев, откуда требование, чтобы доход распределялся между членами не по паям, а по участию данного лица в оборотах предприятия и т.д., и т.д.? Какой смысл имеют все так называемые райффайзеновские принципы, как не защиту интересов крестьянства? Фактически в райффайзеновских кооперативах Германии огромную роль играют помещики. Но кооперативы эти в хозяйственной области служат интересам не помещиков, а крестьян, ибо не помещики, а крестьяне нуждаются в мелком кредите. Правда, участие помещиков в кооперации не проходит бесследно и является для них средством укрепить свое политическое влияние среди крестьянства. В политической жизни Германии сельские кооперативы служат интересам отнюдь не крестьян, а именно помещиков, так как в области политики не помещики идут за крестьянами, а крестьяне за помещиками. Но в пределах чисто хозяйственных функций кооператива участие помещиков ни малейшим образом не мешает тому, что кооператив обслуживает интересы именно крестьянства, как участие богатых лиц во главе благотворительных организаций не мешает тому, что эти организации непосредственно служат интересам бедных, а не богатых.

Чтобы дать вполне точный ответ на вопрос, есть ли кооперация классовое или внеклассовое движение, мы должны прежде всего констатировать, что кооперативы, конечно, не являются такими организациями, в которых участвуют представители только одного какого-нибудь общественного класса. Общественных организаций, приуроченных только к определенному общественному классу, вообще существует в современном обществе очень немного. Так, общественной организацией с совершенно чистым классовым составом являются союзы рабочих как продавцов рабочей силы и союзы работодателей как покупателей рабочей силы. Вполне ясно, что капиталисты никоим образом не могут быть членами рабочего союза, который именно для того и возникает, чтобы вести борьбу с капиталистом; точно так же в союзе работодателей рабочие по самому существу дела не могут принимать участия.

Кроме союзов рабочих и работодателей в области их профессиональных интересов, в современном обществе почти не существует широких организаций всецело классового характера; в остальных организациях, поскольку они возникают свободно и без участия государства, обычно участвуют представители различных классов. Тем не менее мы имеем полное основание говорить о классовом характере многих из современных общественных организаций — не в том смысле, чтобы в состав этих организаций входили представители только одного какого-либо класса, а в таком смысле, что организации эти, будучи смешанного классового состава, служат интересам преимущественно того или иного

общественного класса.

В этом смысле мы говорим-, например, о классовом характере современных политических партий. Конечно, таких партий, которые целиком состояли бы из одного общественного класса, не существует. Из всех германских политических партий (а именно в Германии политическая жизнь наиболее ярко отражает борьбу классовых интересов) наиболее чистый классовый состав имеет партия социал- демократов. Однако и в состав этой партии входят далеко не одни промышленные рабочие. Как показала известная работа Бланка относительно классового состава тех нескольких миллионов лиц, которые голосуют в Германии за социал-демократических депутатов, в числе этих голосующих имеется очень значительное число лиц, не принадлежащих к рабочему классу, сколько именно определить невозможно, но, во всяком случае, не менее полумиллиона. Если же мы возьмем другие германские политические партии, то об однородности классового состава каждой из них и говорить нельзя.

В особенности это ясно относительно политических партий, представляющих собой интересы имущих классов. Так, никем не оспаривается, что консервативная партия в Германии является партией крупных землевладельцев, а партия национал-либеральная — партией крупной буржуазии. Но ведь очевидно, что крупные землевладельцы, равно как и крупные капиталисты, составляют только ничтожное меньшинство среди миллионов лиц, голосующих на выборах в рейхстаг за консерваторов и национал-либералов, ибо численность крупных землевладельцев и крупных капиталистов в стране весьма ограничена, и партии, состоящие только из представителей двух названных классов, никогда не могли бы провести в рейхстаг и одного депутата.

Итак, ясно, что в состав консервативной и национал-либеральной партий должны входить в значительно преобладающем числе лица, принадлежащие к иным общественным классам: крестьяне, сельские рабочие, мелкая буржуазия и пр. И если мы говорим, что консервативная партия в Германии есть классовая партия прусских юнкеров, то не в том смысле, чтобы эта партия состояла только из прусских юнкеров (их так мало, что сами по себе они никакой политической партии образовать были бы не в состоянии), а в том смысле, что прусские юнкера играют руководящую роль в консервативной партии, их интересам служит эта партия, и их классовые интересы она представляет в политической жизни страны.

Конечно, было бы неправильно на основании сложности классового состава любой политической партии говорить о политической партии как о некотором оазисе классового мира в раздираемом классовой борьбой современном обществе. Именно в политических партиях и наблюдается особая обостренность классовых интересов: партия защищает с чрезвычайной энергией интересы того общественного класса, который играет в ней руководящую роль, хотя бы представители этого класса в партии численно далеко уступали членам ее из других классов.

Вполне внеклассовых общественных организаций в современном обществе так же мало, как и организаций, построенных только на классовом начале. Внеклассовой организацией являются, например, разного рода религиозные объединения, да и то далеко не всегда.

Обычно же разнообразные организации современного общества имеют более или менее классовый характер; хотя они отнюдь не слагаются из представителей только одного какого-нибудь общественного класса и в состав их входят, как общее правило, лица различных общественных классов, все же интересы тех или других общественных классов получают в них преобладание, и данная организация в своей практической деятельности служит вполне определенно тем или другим классовым интересам.

Имея все это в виду, можно дать вполне определенный ответ на вопрос о классовой природе кооперации. Преобладающий тип кооператива — организация сложного классового состава. В нее обычно входят лица нескольких классов. Кооперативы чистого классового состава являются исключением. Такими чисто классовыми кооперативами являются по самой своей природе трудовые артели разных видов (производительно-подсобные артели, трудовые и производительные). Это — кооперативы столь же определенного классового состава, как и рабочие союзы, в них могут принимать участие только трудящиеся производители. Однако трудовые артели являются, как известно, тем видом кооперации, который играет наименьшую роль в кооперативном движении современности.

Все же другие кооперативы, кроме трудовых артелей, — смешанного классового состава. В этом отношении они походят на политические партии, отличаясь, однако, от последних в сторону большей определенности своего классового строения. А именно, в состав политических партий входят лица всех общественных классов, причем в партии, защищающие интересы господствующих классов, по самому существу дела входят как представители господствующих классов, так и народных масс, ибо без участия последних партия не могла бы собрать достаточное число голосов для проведения своих представителей в парламент. Поэтому консервативные и умеренные партии обнаруживают чрезвычайно пестрый классовый состав.

Напротив, кооперативы обслуживают хозяйственные интересы лишь некоторых общественных классов, именно: трудящихся классов, пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Хозяйственным интересам крупной буржуазии и крупных землевладельцев служат другие формы хозяйственных предприятий, а отнюдь не кооперативы, которые построены так, чтобы защищать интересы труда в противность капиталу. Поэтому, казалось бы, крупные землевладельцы и крупные капиталисты не должны бы принимать в кооперации какое бы то ни было участие.

На самом деле, как указано выше, это не так Правда, крупные капиталисты участия в кооперации почти не принимают. Но крупные землевладельцы в некоторых странах очень деятельно участвуют в сельскохозяйственной кооперации и даже играют в ней руководящую роль.

Эта деятельная роль крупного землевладения в сельскохозяйственной кооперации некоторых государств объясняется историческими и политическими условиями развития кооперации в этих государствах. В таких странах, как Германия, Бельгия, отчасти Франция, крестьянство находится в политическом союзе с крупными землевладельцами, причем этот союз основывается на взаимности услуг: в политической жизни крестьянство идет за крупными землевладельцами и оказывает им деятельную поддержку, а в хозяйственной

жизни в кооперативах крупные землевладельцы сотрудничают с крестьянами и оказывают поддержку их организациям.

Поэтому сложность классового состава многих сельских кооперативов несколько не мешает этим кооперативам служить вполне определенным хозяйственным интересам крестьянства, совершенно так же как еще большая сложность классового состава германской консервативной партии несколько не мешает ей служить вполне определенным классовым интересам германских аграриев.

Итак, кооперация не может считаться чисто классовой организацией, подобно рабочему союзу или союзу работодателей, ибо только немногие кооперативы имеют столь же чистый классовый состав. Но классовый состав кооперативов, в общем, более определен, чем классовый состав политических партий, и кооперация преследует в более чистом виде определенные классовые интересы, чем политические партии.

3. Тенденции развития кооперации различного классового состава

Каждый общественный класс находит выражение своих интересов в той или иной политической партии. Но кооперация служит в хозяйственной области интересам не всех общественных классов, а только некоторых из них — именно интересам трудящихся классов. Соответственно трем основным классам, интересам которых служит кооперация, кооперативное движение совершенно естественно и без малейшей натяжки распадается на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное кооперативное движение.

Каждая из трех основных ветвей кооперативного движения имеет свой особый характер и свои специфические черты. Соответственно этому различно и то общее направление, в котором движется кооперация в каждой из этих трех различных областей.

Пролетарская кооперация тяготеет к полному преобразованию современной хозяйственной системы, к созданию нового хозяйственного строя на основе подчинения всей хозяйственной системы интересам общественного потребления. Иначе говоря, потребительская кооперация тяготеет к коллективизму.

Отсюда, однако, не следует, что такой строй может быть достигнут собственными силами пролетарской кооперации. Известные слова бельгийского кооператора и одного из вождей бельгийской социалистической партии Анзееле⁹⁷ о сокрушении твердыни капитализма бомбами из ковриг хлеба и картошек в складах потребительских обществ свидетельствуют о крайнем преувеличении Анзееле общественных сил потребительской кооперации. На самом деле пролетарская кооперация наталкивается в своем развитии на известные пределы, которых она своими силами преодолеть не может.

Поэтому не следует думать, будто потребительская кооперация сама по себе может привести к крушению капиталистической системы хозяйства и замене капитализма

коллективизмом. Но не подлежит сомнению, что потребительская кооперация в своем собственном развитии тяготеет именно к этой последней системе хозяйства.

Пролетарская кооперация далеко не исчерпывает собой всего пролетарского движения нашего времени, которое, кроме кооперации, находит себе выражение также в политической партии рабочего класса и в рабочих союзах. Таким образом, пролетарская кооперация согласно классической форме, данной Давидом на Ганноверском съезде, является одной из трех ветвей освободительного движения рабочего класса.

Совсем иное следует сказать о крестьянской кооперации. Крестьянская кооперация тяготеет не к коллективизму в какой бы то ни была форме, а к совершенно иной системе общественного хозяйства. Действительно, ведь сама сущность типичного пролетарского кооператива — потребительного общества — характеризуется тем, что это — организация в интересах потребителей, а не производителей. Производители в потребительском кооперативе являются наемными рабочими потребителей. Именно поэтому потребительское общество и является прообразом коллективистической системы хозяйства, ибо эта последняя система мыслится как крупная хозяйственная организация, в которой общественный труд управляется из единого центра, выражающего собой интересы всего общества, совпадающего с совокупностью потребителей. Напротив, крестьянский кооператив есть организация в интересах не потребителей, а производителей. Это полагает принципиальное различие между пролетарской и крестьянской кооперацией.

Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация дошла до своего логического предела, т. е. охватила со всех сторон крестьянское хозяйство не только в области обмена, но и в области производительного труда, то мы получили бы крестьянскую производительную артель. Мы можем предположить, что такие крестьянские артели сливаются одни с другими и таким образом возникает одна огромная крестьянская производительная ассоциация. Но все это отнюдь не было бы коллективизмом, а представляло собой хозяйственную систему существенно иного типа — синдикальный социализм, при котором средства производства находятся во владении ассоциаций производителей, самостоятельно руководящих процессом общественного производства, а отнюдь не управляемых потребителями как при системе коллективизма. Таким образом, крестьянская кооперация ни в каком случае к коллективизму вести не может, какого бы развития она ни достигала.

Но нужно иметь в виду, что крестьянская кооперация отнюдь не обнаруживает тенденции охватывать со всех сторон крестьянское хозяйство. На самом деле, как показывают факты, крестьянская кооперация захватывает только одну область крестьянского хозяйства, именно область обмена, а не крестьянского производительного труда. Мы почти не знаем успевающих крестьянских производительных артелей (итальянские производительные земледельческие артели не могут быть примером противного, ибо они не являются самостоятельными производительными предприятиями, будучи лишь своеобразной формой помощи безработным, вспомогательной организацией при рабочих союзах). И потому мы не имеем никакого основания предполагать, что крестьянская кооперация мало-помалу захватит и область крестьянского производительного труда, не можем думать, что в дальнейшем своем развитии крестьянские кооперативы возьмут на себя и производство

земледельческих продуктов, причем крестьянин лишился бы самостоятельного хозяйственного предприятия, перестал бы самостоятельно обрабатывать свое поле, которое вместе со всем инвентарем перешло бы крестьянскому кооперативу. Жизнь не показывает таких примеров, и ни малейших тенденций к такому процессу развития мы пока не наблюдаем.

Наоборот, факты показывают, что по мере развития кооперации крестьянин все крепче сидит на своем поле и не обнаруживает ни малейшей охоты отказаться от своего хозяйственного предприятия и передать его какому-либо кооперативу.

Поэтому, считаясь с реальными фактами, мы должны прийти к заключению, что крестьянская кооперация отнюдь не имеет тенденции упразднить собственное хозяйство крестьянина, а, наоборот, укрепляет последнее и только преобразовывает его в том отношении, что отношения крестьянина с рынком утрачивают свой прежний индивидуалистический характер и заменяются кооперативной организацией. В сфере обмена, а также в сфере переработки крестьянских продуктов кооперация действительно упраздняет частное хозяйство крестьянина; но в сфере производства этих продуктов крестьянское хозяйство не только не терпит умаления, а, наоборот, только укрепляется благодаря тому подъему благосостояния, которое создается кооперацией.

Итак, стоя на почве фактов, мы должны прийти к выводу, что крестьянская кооперация вовсе не включает в себе тенденции к замене крестьянского хозяйства синдикальным социализмом. Благодаря кооперации создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область — сельскохозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции — купли-продажи, получения кредита и переработки сельскохозяйственных продуктов — исполняются не единоличными силами сельскохозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей. В результате получается некоторая новая система крестьянского хозяйства, но система совершенно иная, чем та, к которой приводит естественный ход развития пролетарской кооперации.

Наконец, что касается мелкобуржуазной кооперации, то тенденции развития этой ветви кооперативного движения опять-таки совершенно иные. Мелкобуржуазная кооперация не тяготеет ни к коллективизму, ни к какой-либо иной новой хозяйственной системе. Более всего она тяготеет к чисто капиталистическим организациям и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистический метаморфоз — превращается в капиталистические предприятия. Таков, например, ход развития одной из самых характерных форм мелкобуржуазных кооперативов на Западе — народных банков Шульце в Германии, которые, как это было выяснено выше, путем естественного развития превращаются в обычные капиталистические банки. Точно так же и потребительские общества мелкобуржуазного состава легко принимают формы, мало уклоняющиеся от обычных акционерных компаний. Примером таких потребительских обществ являются знаменитые лондонские общества чинов гражданского ведомства, относительно которых возникает вполне обоснованный вопрос, можно ли их считать кооперативами или нет.

Правда, превращение в капиталистические предприятия не является неизбежным законом развития мелкобуржуазных кооперативов. Нельзя, например, утверждать, что всякое потребительское общество мелкобуржуазного состава непременно должно в конце концов при благоприятном ходе дела превратиться в акционерную компанию. Это превращение возможно, но для общества может оказаться более удобным сохранение кооперативной формы. Как общее правило, потребительские общества мелкобуржуазного состава сохраняют форму кооперативов, потому что эта форма более соответствует хозяйственным интересам их членов.

Но, во всяком случае, ясно, что мелкобуржуазные потребительские общества никакого тяготения к социализму в какой бы то ни было форме не обнаруживают. Они твердо ограничивают свои функции своей непосредственной задачей — доставлением своим сочленам предметов потребления возможно лучшего качества и по возможно более низкой цене и ни к чему большему не стремятся, обнаруживая в этом отношении резкий контраст с пролетарскими рочдельскими обществами, которым присущ дух стремления к неограниченному расширению своих операций путем захвата в круг своего влияния все новых и новых областей хозяйственной жизни.

Таким образом, мы видим, что кооперация в каждой из своих основных классовых ветвей имеет существенно иной характер и имеет различные тенденции развития. Отсюда ясна невозможность объединения всего кооперативного движения в одну организацию и неустранимость внутренних трений между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы.

4. Центральные кооперативные организации

Во всех тех странах, где кооперация достигла значительного развития, кооперативное движение с течением времени резко поделилось на несколько различных организаций соответственно своему классовому составу. Это мы видим, например, в Англии, где кооперация имеет три особых центра соответственно трем основным классам, участвующим в кооперативном движении: пролетарская рочдельская кооперация объединена в двух обществах оптовых продаж (английском и шотландском) и в Кооперативном союзе; мелкобуржуазная кооперация имеет свой особый центр в лондонских чиновничьих потребительских обществах, которые ни в каком общении с рочдельскими обществами не состоят, не принимают участия ни в обществах оптовых продаж, ни в Кооперативном союзе; недавно народившаяся, но быстро развивающаяся крестьянская кооперация Англии имеет также свои особые центры и стоит особняком от Кооперативного союза.

Только в начале своего развития кооперативное движение может сохранить известное единство благодаря неясности своей классовой природы и невозможности развернуть все свои силы. В этом отношении очень поучительна история германской кооперации. При своем возникновении она тесно объединена в одной организации — Всеобщем союзе

Шульце. В этот союз входят все виды кооперативов, и некоторое время кооперативы эти прекрасно уживаются вместе. Затем рядом со «Всеобщим союзом» и совершенно независимо от него начинают расти крестьянские кооперативы, созданные Райффайзенем и скоро объединившиеся в свою особую центральную организацию, причем между обеими организациями — Шульце и Райффайзена — начинается многолетняя распря и ожесточенная полемика. Враждебные отношения между Шульце и Райффайзенем вытекали из различия тех принципов, на которых строились кооперативы в пределах шульцевской и райффайзеневской организаций. Райффайзеневские принципы казались и не могли не казаться Шульце совершенной нелепостью, ибо, действительно, принципы эти в применении к мелкобуржуазной кооперации, во главе которой стоял Шульце, не имели никакого смысла. Но они были вполне приспособлены к условиям жизни общественного класса, с которым имел дело Райффайзен, — крестьянства.

Таким образом, в германской кооперации оказалось два центра: Всеобщий союз Шульце и райффайзеневский союз. Но этим раздробление германской кооперации, вызванное ее естественным развитием и ростом, не кончилось. Только до тех пор, пока пролетарская кооперация была слаба, она могла уживаться в рамках шульцевского союза. Но с началом ее роста пребывание ее в пределах этого союза оказалось невозможным, и союз исключил все пролетарские кооперативы из своего состава. Любопытно, что пролетарские кооперативы очень противились этому исключению и всячески цеплялись за союз. Очевидно, они не понимали неизбежности этого разрыва и верили в единство кооперации, как продолжают верить в его единство многие кооператоры и до настоящего времени.

То, что произошло после исключения из Всеобщего союза пролетарских кооперативов, лучше всего доказало, до какой степени были неосновательны страхи руководителей германской пролетарской кооперации. Оказалось, что разрыв этот не только не помешал росту пролетарской кооперации, но чрезвычайно содействовал этому росту. Только после утраты связи с шульцевским союзом начинается то стремительное развитие германской потребительской кооперации, которое мы наблюдаем за последние годы.

Таким образом, в Германии, как и в Англии, возникло три центра кооперации соответственно трем общественным классам, участвующим в кооперативном движении, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. Всеобщий союз — центр мелкобуржуазной кооперации, Центральный союз германских потребительских обществ (созданный пролетарскими кооперативами, исключенными из Всеобщего союза) — центр пролетарской кооперации и Имперский союз — центр крестьянской кооперации. Никому не приходит в настоящее время в Германии мысль о возможности возвращения к доброму старому времени, когда Всеобщий союз объединял всю германскую кооперацию, — до такой степени очевидно, что такое объединение различных по своей классовой природе кооперативов и невозможно, и нежелательно.

Вообще, ни в одной стране со значительным развитием кооперации мы не встречаем организаций, включающих в себя все воды кооперативов без различий. В частности, крестьянская кооперация везде стоит особняком от пролетарской и идет своей особой дорогой.

Только в таких странах, как Россия, где кооперативное движение только начинается, может быть речь об организациях, объединяющих все кооперативное движение. При незрелости русского кооперативного движения такие объединяющие организации могут быть полезны, но, конечно, при дальнейших успехах русской кооперации и ей придется подразделиться в соответствии с классовым делением современного общества.

Очень поучительны в том же смысле попытки создать международное объединение кооперации. Творцы «Международного кооперативного союза» имели в виду объединение всего мирового кооперативного движения, а не какой-либо его части. И вначале в конгрессах союза принимали участие (хотя и далеко не равное) представители различных кооперативных течений — как вожди пролетарской кооперации, так и представители шульцевского и райф-файзеневского союзов. Но уже через несколько лет такое совместное сожителство в одной организации разнородных общественных элементов оказалось невозможным, и из Международного союза ушли последователи как Шульце, так и Райффайзена. В настоящее время союз принял форму всемирной организации только одного вида кооперации — именно пролетарской кооперации.

Наряду с этим возник международный союз крестьянских кооперативов как организация, совершенно независимая от «Международного кооперативного союза».

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она никакого объединяющего международного центра не имеет и, по-видимому, не чувствует ни малейшей потребности в таком центре. Это и понятно: мелкобуржуазная кооперация в противность пролетарской и крестьянской не стремится ни к каким широким задачам или отдаленным целям, а прекрасно уживается в условиях существующей хозяйственной системы, почему и не испытывает нужды в международном объединении.

5. Взаимные отношения пролетарской и крестьянской кооперации

Но если признать, что различные ветви кооперативного движения идут различными путями, то возникает новый вопрос: как же должны складываться отношения между этими различными кооперативными течениями? Существует ли неустранимый антагонизм между этими течениями или же они, не сливаясь в одно целое, все же могут быть примирены друг с другом?

Вопрос этот имеет значение в особенности по отношению ко взаимным отношениям пролетарской и крестьянской кооперации. Что же касается мелкобуржуазной кооперации, то так как по самому своему существу кооперация этого рода преследует только ближайшиe узкие хозяйственные цели, то она вообще стоит вне широкой общественной жизни современности, не встречая ни горячих защитников, ни ожесточенных врагов.

Совсем другое дело пролетарская и крестьянская кооперация. И та и другая представляют собой мощные общественные движения с огромными задачами, глубоко затрагивающими

самые существенные жизненные интересы современного общества. Крестьянская и пролетарская кооперации быстро растут и охватывают собой миллионы трудящихся. И потому вопрос о взаимоотношениях пролетарской и крестьянской кооперации имеет первенствующую важность для нашего времени.

Нельзя отрицать, что до сих пор отношения пролетарской и крестьянской кооперации в тех странах, где кооперативное движение получило значительное развитие, были далеко не дружественными. И это понятно. Помимо того, что крестьяне и пролетариат в важнейших странах Западной Европы входят в состав противоположных политических партий (крестьянство обычно является опорой консервативной, а пролетариат — социалистической партии), и в чисто хозяйственной области крестьянская и пролетарская кооперация легко приходят в столкновение.

Пролетарская кооперация, выражением которой являются потребительские общества, стремится к понижению цен предметов потребления. Важнейшими же предметами потребления рабочего класса являются разного рода сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами. Поэтому потребительская кооперация стремится к понижению городской цены продуктов крестьянского труда.

Наоборот, крестьянская кооперация, представляя интересы не городских потребителей, но деревенских производителей, ставит себе целью поднятие той цены, которую крестьянин выручает при продаже в деревне продукта своего труда.

На почве этих противоположных стремлений может возникнуть самый резкий антагонизм между пролетарской и крестьянской кооперацией. В странах Запада мы сплошь и рядом замечаем, что городская потребительская кооперация видит в деревенской производительной кооперации своего опасного врага.

Во время волнений, вызванных в 1911 г. в разных западноевропейских странах обострением дороговизны жизни, деревенские кооперативы подвергались ожесточенным нападкам со стороны вождей пролетарской потребительской кооперации. Да и вообще отношения деревенской и пролетарской кооперации на Западе отнюдь еще не могут быть названы дружественными.

Итак, наличность известного антагонизма интересов пролетарской и крестьянской кооперации может считаться бесспорным фактом. Но отсюда еще не следует, что мы должны признать обе важнейшие ветви кооперативного движения естественными врагами.

Прежде всего нужно принять в соображение следующее. Покупная цена предметов потребления в городе и продажная цена тех же предметов, выручаемая крестьянином в деревне, весьма значительно разнятся друг от друга. Между деревенским производителем и городским потребителем стоит ряд торговых посредников, присваивающих себе львиную долю цены продукта, на месте потребления. Вот эта-то разница между покупной и продажной ценой и есть область, за счет которой могут быть удовлетворены интересы и производителя, и потребителя.

Если бы производитель непосредственно сносился с потребителем, то, конечно, выигрыш в цене одного был бы равносителен проигрышу в цене другого. Но ведь положение не таково, и за счет присвоения прибыли торгового посредника возможно одновременно повышение продажной цены деревенского производителя и понижение покупной цены городского потребителя. А так как торговый посредник получает очень значительную долю товарной цены, — специальные расследования показали, что очень часто товар, доходя до розничной городской лавки, повышается в своей цене сравнительно с той ценой, по которой он был продан сельским производителем, в два раза и более, — то, значит, для согласования интересов производителя и потребителя имеется очень широкая область.

Но, конечно, возможность одновременного выигрыша за счет продажной цены и производителя, и потребителя все же заключена в известные пределы, за которыми примирение интересов производителей и потребителей этим путем достигнуто быть не может. В таком случае остается прибегнуть к принципу «справедливой цены» — цены, соответствующей труду производства. Такая трудовая цена должна быть признаваема основой для установления прочного мира между крестьянской кооперацией производителей и городской кооперацией потребителей.

Крестьяне и фабричные пролетарии в равной мере принадлежат к трудящимся классам населения, а это создает почву для солидарности их интересов. За последние десятилетия повсеместно замечается отлив населения из деревни в город: крестьяне и сельскохозяйственные рабочие превращаются в городских рабочих, причем нередко в одной и той же семье одни члены семьи пахут землю, а другие работают в городе на фабрике. Не говоря уже о таких странах, как Россия, где фабричный рабочий еще сплошь и рядом работает летом в деревне, а зимой в городе или же, работая на фабрике, содержит свою семью в деревне на своем наделе; и на Западе, где имеется уже вполне дифференцированный класс фабричного пролетариата, фабричные рабочие имеют много общих интересов с крестьянами. Падение благосостояния деревни и на Западе невыгодно отражается на заработной плате фабричных рабочих, вызывая усиленный приток рабочих в города и сбивая плату городских рабочих.

С другой стороны, падение заработной платы городских рабочих невыгодно отражается на деревне, уменьшая возможность для деревенского люда находить себе заработок в городе и в то же время сокращая городской спрос на изделия крестьянского труда. Ведь если в известном смысле интересы продавца и покупателя противоположны, то в другом смысле солидарны: продавец нуждается в платежеспособном покупателе, как и покупатель нуждается в обладающем достаточными производительными средствами продавце.

В силу этого при наличности известных различий интересов между трудящимися классами в деревне и городе существует и глубокая общность интересов, создающая почву для взаимного сближения крестьянского и пролетарского кооперативного движения.

Правда, в руководящих странах Запада пока такого сближения не наблюдается. Но для этого взаимного разъединения существуют особые причины, коренящиеся не в хозяйственной, а в политической области. Если же оставить в стороне политику, то пролетарской и крестьянской кооперации следовало бы идти рука об руку, а не находиться

во взаимной вражде. В России до настоящего времени, к счастью, не наблюдается антагонизма между крестьянской и пролетарской кооперацией: обе ветви кооперативного движения не только не враждуют между собой, но и обнаруживают стремление объединяться в одних общих организациях. Последнее можно было считать возможным лишь при начале кооперативного движения. После революции обособилась пролетарская кооперация и должна получить свой особый центр крестьянская кооперация. Последнее еще дело будущего. Во всяком случае, сохранение дружественных отношений между крестьянской и пролетарской кооперацией отнюдь не противоречит классовому характеру кооперации, и было бы крайне желательно, чтобы то положение дела сохранилось у нас и в будущем.

6. Политическая позиция кооперации

Итак, кооперация отнюдь не является организацией, стоящей вне и выше социальных классов. Она объединяет определенные классы на почве их классовых интересов в еще большей мере, чем это можно сказать относительно политических партий. Не следует ли из этого сделать вывод, что кооперация должна тесно примкнуть к политическим партиям и объединиться со всеми другими организациями, защищающими интересы того же класса?

В некоторых странах кооперативное движение не имеет самостоятельного характера и входит в состав политического движения. Это мы видим, например, в Бельгии, где пролетарские кооперативы находятся в тесной связи с бельгийской социалистической партией, а крестьянские кооперативы являются опорой консервативной католической партии. Сходное положение дела наблюдается и в Италии, отчасти во Франции и других странах. Напротив, в Англии, родине пролетарской кооперации, кооперация не была до последнего времени в определенной связи с какой бы то ни было политической партией и всегда сохраняла строгий политический нейтралитет (в настоящее время позиция английской кооперации по отношению к парламентским выборам как будто изменилась, но какое практическое значение получит решение кооперативного конгресса 1917 г. в пользу участия кооператоров как таковых в парламентских выборах — покажет будущее). Германские кооператоры почти без исключений высказываются принципиально за полную независимость кооперации от каких бы то ни было политических партий, за полный политический нейтралитет; однако фактически германской кооперации не удалось удержаться на этой политически нейтральной почве, и различные ветви германского кооперативного движения тяготеют к известным политическим партиям.

Так, германские пролетарские кооперативы, объединенные в Центральном союзе германских потребительских обществ, хотя и исповедуют принцип политического нейтралитета, но фактически стоят близко к социал-демократической партии. Мелкобуржуазные кооперативы, входящие в состав Всеобщего союза, также тяготеют к либеральной Свободомыслящей партии. А сельские кооперативы Имперского союза находятся под сильным влиянием аграриев, стоящих во главе консервативной партии.

На примере Германии мы видим, как трудно кооперации сохранить нейтральную позицию, если политическая борьба очень обострена. Тем не менее можно считать несомненным, что

вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение. Действительно, ведь кооперация сама по себе никаких политических целей себе не ставит и является организацией чисто хозяйственного характера. Непосредственные задачи кооперации такого рода, что в кооперативе могут принимать участие лица самых различных политических партий, ибо все они в равной мере заинтересованы в целях кооперации.

И консерватор, и либерал, и умеренный, и радикал являются в равной мере потребителями и в равной мере заинтересованы в том, чтобы их предметы потребления были хорошего качества и стоили возможно дешевле. Точно так же, каковы бы ни были политические убеждения крестьянина, он одинаково заинтересован в улучшении условий продажи своих продуктов или в удешевлении необходимого для него кредита. Поэтому кооперация привлекает к себе лиц трудящихся классов совершенно независимо от их принадлежности к той или иной политической партии.

Если кооперация приходит в связь с политическими партиями, то в состав одного и того же кооператива не могут входить лица, принадлежащие к различным политическим партиям. Иными словами, отказ от принципа политического нейтралитета неизбежно приводит к раздроблению кооперации и, значит, к уменьшению ее силы.

Кооперативное движение и так естественно подразделяется на особые организации соответственно своему классовому составу: крестьянская кооперация складывается особо от кооперации пролетарской, а пролетарская кооперация не сливается с мелкобуржуазной. Крайне нежелательно, чтобы наряду с этим делением, вытекающим из неустранимых классовых различий, возникало еще новое подразделение кооперации в пределах каждого класса соответственно политическим взглядам членов того же общественного класса. Между тем именно это мы видим там, где кооперация вовлечена в политические партии. Так, например, в Бельгии имеются потребительские общества как социалистические, так и либеральные и католические. В Италии имеются как социалистические, так и католические крестьянские кооперативы и т.д.

Это неизбежно приводит к такому дроблению кооперации, которое существенно ее ослабляет. Привнесение политических целей ни малейшим образом не требуется существом кооперации как организации, созданной для разрешения определенных хозяйственных задач, в которых в равной мере заинтересованы лица самых противоположных политических воззрений.

От соединения кооператива с политической партией проигрывают обе стороны, как партия, так и кооператив.

Что касается кооператива, то проигрыш его очевиден. Партия ровно ничего не может дать для укрепления кооператива. Если партия оказывает известное давление на своих членов для того, чтобы они вступали в кооператив, то от этого кооператив несколько не выигрывает, ибо участие в кооперативе должно быть вполне добровольным. Только при полной свободе участия в кооперативе последний может успешно достигать своих целей: такова основная сущность кооперации. Поэтому кооператив отнюдь не может желать, чтобы

к участию в нем привлекались лица, которые сами по себе, без внешнего давления не вступили бы в его состав.

С другой стороны, партия не может оказывать и экономической поддержки кооперативу, финансировать его, ибо политические партии не являются финансовыми организациями, располагающими излишними капиталами. Наоборот, партия нуждается в финансировании ее со стороны кооператива.

Таким образом, ни с какой стороны связь кооператива с политической партией не может принести кооперативу пользы. Но такая связь приносит кооперативу несомненный вред.

Кооператив преследует хозяйственные цели, а политическая партия — политические. В кооперативах люди группируются по своим хозяйственным интересам, а в партиях — по политическим взглядам. Но при сходстве интересов взгляды могут быть различны. Действительно, в пределах каждого общественного класса находятся сторонники самых различных политических партий.

Связь кооператива с партией должна, очевидно, вести к тому, что в состав кооператива не будут входить лица, принадлежащие к другим партиям. Иначе говоря, численный состав кооператива существенно сокращается и кооператив становится благодаря связи с партией слабее.

В литературе часто указывается, например, что благодаря партийной окраске бельгийских кооперативов бельгийские потребительские общества слабее швейцарских, где принцип политического нейтралитета кооперации проводится очень строго. Ничего другого и быть не может, ибо в Бельгии наряду с социалистическими имеются в тех же районах либеральные и католические потребительские общества, которые все находят себе членов, между тем как в Швейцарии в данном городе обычно имеется лишь одно потребительское общество, в состав которого входят лица самых различных политических партий, что нисколько не мешает им мирно работать в кооперативе друг около друга.

Но и партия не выигрывает от связи с кооперативом. Действительно, в чем может выражаться этот выигрыш? Почти исключительно в финансовой поддержке партии кооперативом. Однако такая финансовая поддержка не может выражаться крупными цифрами, так как в противном случае кооператив оттолкнет от себя членов, которые ведь представляют собой не исключительных личностей, готовых к самопожертвованию, но заурядных людей, отнюдь не склонных уделять значительную часть своего дохода на нужды, не связанные непосредственно с их жизненными потребностями.

И действительно, мы видим, что везде, где кооперация связана с политическими партиями, финансовая поддержка партии кооперативами выражается самыми скромными цифрами, вызывая, однако, большое недовольство со стороны многих членов кооператива и упреки в эксплуатации кооперации партией.

Таким образом, от полного разрыва между кооперацией и политическими партиями выигрывают обе стороны. Конечно, между партией и кооперативом, выражающими интересы того же общественного класса, могут и должны быть дружественные отношения,

что может выражаться самым различным образом. Но и та, и другая организации должны быть совершенно автономны и самостоятельны во всех своих действиях и решениях. В состав партии и кооператива могут входить одни и те же лица, но крайне важно, чтобы формальной юридической связи между обеими организациями не было, так как только таким образом может быть достигнута полная свобода роста кооперации.

И потому партии, сочувствующие кооперации, поступают наилучшим образом, совершенно отказываясь от стремления подчинять себе в каком бы то ни было отношении кооперативное движение, которое должно быть вполне свободно от каких бы то ни было партийных целей.

Эта необходимость полной свободы кооперации была признана и на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 19Ю г., на котором вопрос об отношении социалистических партий к кооперации подвергся обстоятельному обсуждению⁹⁸. Конгресс значительным большинством признал принцип самостоятельности и независимости кооперации.

Требования, выставленные конгрессом по отношению к потребительской кооперации, заключались в следующем.

Денежные суммы, распределяемые потребительскими обществами, не должны возвращаться целиком членам, но должны также идти в фонд для организации обществ оптовых закупок, а также и самостоятельного производства. Кроме того, этот фонд должен служить целям воспитания, образования и поддержки членов. Затем конгресс постановил, что отношения труда и заработной платы служащих в кооперативах должны соответствовать постановлениям рабочих союзов, что собственное производство потребительских обществ должно быть образцово поставлено и что должно быть обращено внимание на условия труда в производстве тех товаров, которые покупаются кооперативом.

Все эти требования вполне соответствуют интересам здорового развития кооперации и потому никаких возражений не вызывают. Конгресс не формулировал в данном случае ничего нового, а только одобрил реальную практику кооперации. Конечно, кооперация жизненно заинтересована в развитии собственного производства, поднятии духовного уровня своих членов и поддержании их в случае нужды. Точно так же в области своего рабочего вопроса кооперация должна действовать в согласии с рабочими союзами. Требование, чтобы кооперативы обращали внимание на условия труда в производстве товаров, приобретаемых кооперативом, обосновывается солидарностью коопераций со всеми мерами, направленными к улучшению положения трудящихся.

Таким образом, Копенгагенский конгресс занял по отношению к кооперации вполне правильную позицию, предоставив кооперации идти своей собственной дорогой.

Однако признание политического нейтралитета кооперации еще неравносильно требованию полного отказа кооперации от участия в политической жизни. При известных условиях кооперация может и должна участвовать в политической жизни — именно тогда, когда дело идет о защите законодательным путем жизненных интересов кооперации. Если является

необходимость в выработке кооперативного закона или в изменении правового положения кооперативов, улучшении условий обложения кооперативов налогами и т.п., то кооперация не может не защищать на политической арене своих интересов, чем ни малейшим образом не нарушается принцип ее политической нейтральности, ибо в этом случае кооперация становится на почву защиты вполне определенных собственных интересов, а не стремится влиять на общее направление политической жизни в стране.

И, конечно, защищая свои специальные интересы в законодательных палатах, кооперация не имеет надобности в создании своей собственной политической партии. Политическая партия не может преследовать только узкоопределенные, частные цели, но должна участвовать во всей политической жизни страны. Кооперация же принципиально уклоняется от политической деятельности и только по необходимости, для защиты своих специальных интересов, может нарушать свое воздержание от политики. Поэтому для кооперации недопустимо не только образование политической партии, но и выставление кооперативных кандидатур при выборах в законодательные палаты.

Участие кооператоров как таковых в выборах в парламент может выразиться только в том, что кооператоры оказывают поддержку лишь тем кандидатам, которые обязываются поддерживать в законодательных палатах меры, благоприятные для развития кооперации. Точно так же при проведении в законодательных палатах мер, непосредственно затрагивающих интересы кооперации, кооператоры в лице своих выборных представителей могут и должны стремиться влиять на решения законодательных палат в смысле, благоприятном для кооперации. Для этого могут быть образованы при парламентах особые выборные органы из среды кооператоров.

Но в самих парламентах для кооперативной партии места нет, и кооператоры должны защищать свои интересы через посредство всех депутатов, к какой бы партии последние ни принадлежали, если только они сочувствуют делу кооперации.

Так поступила русская кооперация при внесении в Государственную думу проекта общекооперативного закона, выработанного и одобренного представителями всероссийской кооперации. Проект поступил в думу не от имени той или иной политической партии, но как поддерживаемый целым рядом партий, от умеренных до крайних левых. В данном случае еще столь молодая русская кооперация обнаружила большую политическую зрелость, и было бы крайне желательно, чтобы такую же политическую зрелость наша кооперация продолжала проявлять и в будущем.

Но, конечно, за пределами кооператива члены его становятся гражданами и как таковые участвуют в политической жизни страны. Увлечение кооперацией не должно ни малейшим образом приводить к политическому индифферентизму: устранение политики из кооперации основывается не на пренебрежении к политике со стороны кооперации, — а на сознании различия этих областей общественной жизни.

Глава II. О кооперативном идеале

1

Кооперация является новой формой общественного хозяйства, которая может иметь успех только при условии известного воодушевления, морального подъема участников этого хозяйства. В этом глубокое принципиальное отличие кооперации от капитализма.

Капитализм обращается к грубым и первобытным инстинктам человеческой природы — к инстинктам эгоизма. Жажда богатства, жажда власти, страх перед потерей заработка — вот основные хозяйственные мотивы человеческого поведения в капиталистическом обществе.

Человек в строе капитализма превращается в слугу капитала. Но ведь капитал — продукт самого человека. Таким образом капитализм заключает в себе нечто противоестественное и как бы безумное. Вещь, созданная человеком, становится его собственным повелителем.

В этом заключается своеобразный фетишизм капитализма, природа чего была так гениально раскрыта Марксом в его знаменитых страницах о товаре-фетише". Как деревянный идол, сделанный собственной рукой дикаря, становится для дикаря богом и кажется дикарю управляющим всем его поведением, так и трудовой продукт цивилизованного человека становится при господстве капиталистических отношений повелителем этого самого человека и определяет собой в его собственных глазах его поведение.

Банальным образом этого господства в современном строе хозяйства вещи над человеком является власть над человечеством денег, золотого тельца.

Золото, иначе говоря — капитал, парит над миром. И не только пролетарий, рабочий, лишенный средств производства, подвластен капиталу, — нет, и сам капиталист служит золотому идолу.

Чрезвычайно любопытна в этом смысле личная жизнь крупнейших капиталистов современного мира — американских миллиардеров. Эти люди — Гульды, Морганы, Рокфеллеры, — располагающие или располагавшие невероятными денежными капиталами, менее всего пользовались своей хозяйственной властью для удовлетворения своих личных потребностей. Они отнюдь не ушли «в свое удовольствие», отнюдь не тратили своих огромных богатств на роскошь и прихоти личного вкуса.

Напротив, эти люди, которым в мире чувственных наслаждений все было доступно в самом неограниченном размере, в своей личной жизни были образцом упорнейшей и напряженнейшей работы, иногда прямо самоотречения.

Скромная и умеренная пища, отказ от каких бы то ни было развлечений и непрерывный труд, поглотивший до конца всю их духовную и физическую энергию, — такова была жизнь этих владык и вместе слуг капитала, олицетворявших собой в общественном мнении власть золота, но в свою очередь поработанных капиталом, хотя и в другом смысле, чем рабочие¹⁰⁰.

Таким образом и капиталист, и рабочий подчинены в капиталистическом мире, хотя и в разных формах и смыслах, капиталу.

Истинным владыкой этого мира является не человек, хотя бы и капиталист, а безличная сила общественных отношений капиталистической системы, сила, господствующая над всем капиталистическим обществом, — капитал.

Кооперация представляет собой прямо противоположную систему хозяйства. В ней царит не капитал, не вещь, а человек, личность. И для успеха кооперации требуется господство в душе человека не жажды богатства, а чувства общественной солидарности, готовность жертвовать личным интересом ради интересов общественной группы.

Вот почему кооперативное хозяйство настоятельнейшим образом требует воспитания соответствующего человека.

Затрачивая огромные суммы на поднятие духовного уровня современного человечества, устраивая библиотеки, музеи, учебные заведения, курсы, лекции, народные дома, кооперация следует не только свойственным ей идеалистическим мотивам, но и своему правильно понятому хозяйственному интересу. Ибо для достижения своих хозяйственных целей кооперация должна прежде всего создать человека, способного ей служить.

Кооперация может преуспевать лишь в атмосфере энтузиазма, увлечения высокими целями. Энтузиазм так же необходим кооперации, как жажда богатства капитализму.

Попробуйте представить себе цветущее капиталистическое хозяйство в среде людей с психическим строем первых христиан — не является ли само предположение такого общественного состояния внутренне противоречивым? Христианский отшельник — спекулирующий на бирже; христианский мученик — считающий свои барыши и накапливающий капиталы — все это чудовищно, невозможно и нелепо.

Столь же невозможна кооперация среди людей, чуждых общественной солидарности и думающих лишь о себе.

Но в то время как капитализму не приходится заботиться о создании требующегося для него человека — ибо об этом достаточно позаботилась сама природа, — кооперации нужно создавать своего человека с величайшими усилиями, так как весь современный строй хозяйства воспитывает в человеке отнюдь не те душевные свойства, которые требуются для

кооперации.

Кооперации нужно идти против господствующего течения, создавая встречное историческое течение, которое должно преодолеть течение капитализма.

И кооперации удастся побеждать капитализм. Каждый год возникают новые и новые тысячи кооперативов, примыкают новые и новые миллионы работников к великой кооперативной армии мира.

Но победы и завоевания кооперации возможны лишь благодаря росту кооперативного воодушевления и энтузиазма.

Вот почему в кооперативной литературе обычно так сильно звучит идеалистический мотив. Почти все популярные работы, посвященные кооперации, — все эти бесчисленные брошюры и листовки, кооперативные календари, журналы и газеты, которые расходятся среди миллионов кооператоров, — являются в большей или меньшей степени хвалебными гимнами кооперации, более или менее удачными попытками доказать величие, силу и моральную красоту кооперации.

Правда, научное исследование должно подходить к кооперации с таким же беспристрастным анализом, как и ко всякому другому предмету изучения. Но кооперативная пропаганда ставит себе иные цели и совершенно законно апеллирует не только к разуму, но и к чувству человека, стремясь увлечь массового читателя яркими картинками возвышенности и благородства целей кооперативного движения.

При таком положении дела и для научного исследования кооперации вопрос о конечной цели кооперации — о кооперативном идеале — приобретает первенствующий интерес.

К чему в конце концов стремится кооперация — действительно ли ее конечная цель так высока, как это думают кооператоры?

Что цели кооперации благороднее, чем цели капитализма, это ясно само собой и ни в каком доказательстве не нуждается.

Но многие (даже кооператоры) думают, что цели кооперации могут требовать себе предпочтение лишь по сравнению с целями существующей хозяйственной системы — капитализма.

Кооперация выросла на капиталистической почве и питается соками капиталистического общества. Весь смысл современной кооперации заключается в борьбе с различными формами капитализма. Кооперацию, как она реально существует в обществе нашего времени, почти нельзя себе представить вне капитализма и частной собственности.

В основе современной кооперации, несомненно, лежит частная собственность, и не только частная собственность, но и капиталистическая эксплуатация труда. Паи, проценты на капитал, наемный труд — что это такое, как не элементы капитализма?

Многие очень убежденные апологеты кооперации являются столь же убежденными противниками социализма и сторонниками общественного строя, основанного на частной собственности.

Не говоря уже о таких исторических деятелях кооперации, как Шульце-Делич, все мировоззрение которого было насквозь проникнуто мелкобуржуазным духом, и теперь большинство вождей кооперации не стоит на почве социалистического мировоззрения.

Только в тех странах, где кооперация связана на практике с политическими партиями, мы видим мощные кооперативные течения, принципиально приемлющие социализм. Но и тут рядом с социалистической кооперацией мы встречаем кооперацию, самым решительным образом враждебную социализму.

В то же время следует подчеркнуть, что и социалистическая кооперация столь же твердо, как и либеральная и консервативная, строит все хозяйство на буржуазной основе.

Паи, проценты на капитал и наемный труд в равной мере свойственны всякой кооперации, кроме трудовой, независимо от ее партийной окраски.

Нисколько не удивительно поэтому, что кооперативные идеалы (даже представляющие собой социалистическую кооперацию) обнаруживают сильное тяготение к буржуазным теориям прибыли — к теориям, отрицающим борьбу классов, эксплуатацию труда капиталом и т.д.

Эти идеологи хотели бы оправдать с точки зрения теории ту реальную практику кооперации, которая исходит из капиталистических отношений как своей естественной основы.

И вот с этой точки зрения, которая является в кооперативном мире, безусловно, преобладающей, кооперативный идеализм кажется чем-то весьма половинчатым и компромиссным.

Кооперация оказывается при таком понимании идеологией мещанства.

Частная собственность должна быть сохранена, но лишь в виде мелкой собственности, доступной рабочему. Процент на капитал и, значит, капиталистическая прибыль также должны остаться, но опять-таки ограниченные невысоким пределом. Сохраняется и эксплуатация труда капиталом, но опять лишь в известных границах.

Словом, кооперация в таком понимании оказывается как бы новой формой капитализма, ограниченного в интересах трудящихся масс.

Если бы это понимание кооперации было верным, то о кооперативном идеале совсем нельзя было бы говорить.

Ведь сущность идеала в том-то и заключается, что идеал есть некоторый абсолют, нечто верховное, не знающее ограничений.

Идеал есть верховная ценность, на которой основываются и из которой исходят низшие ценности, но выше которой ничего нет и быть не может.

Социальный компромисс, как бы он ни был необходим и практически целесообразен, никогда не станет идеалом. Напротив, идеал всегда является сам по себе чем-то стоящим вне и выше всевозможных компромиссов.

Если кооперация является только компромиссом, значит, она не есть ни в каком смысле социальный идеал.

И, конечно, существующая кооперативная идеология до сих пор была не в силах вскрыть природу кооперативного идеала. Наоборот, эта идеология сделала все, чтобы затемнить эту природу и представить кооперацию в мещанском виде социального компромисса.

Однако если бы эта идеология была объективно правильна и если бы кооперация была лишь компромиссом, то было бы непонятно, откуда практика кооперации черпает столько идеализма.

Ведь оставляя в стороне всякие теории и обращаясь к живой действительности, нельзя не видеть, что кооперативное движение в целом проникнуто самым действенным и мощным, неподдельным в своей искренности, глубоким идеализмом.

Кооперация по своей идеалистичности является единственным в своем роде социальным движением современности.

В кооперации больше идеализма, чем хотя в социализме наших дней. Современный социализм имеет узкоклассовый характер и его пафосом является преимущественно классовая вражда — на одном полюсе и классовая солидарность — на другом. Конечно, и в социалистическом движении, как оно выражается ныне, очень много самого чистого морального пафоса и идеализма.

Но наряду с этим социалистическому движению свойственны и мотивы далеко не высокого характера — даже мотивы прямо низменные, как жажда личного обогащения, зависть бедных к богатым и т.д. Все вместе составляет весьма сложную амальгаму с высокими мотивами и создает своеобразный социалистический пафос, в котором рядом с элементами морали огромную роль играют и мотивы классового и личного эгоизма.

Напротив, кооперативный пафос другой природы, и в нем гораздо сильнее звучат чистые, благодарные струны человеческой души.

Кооператоры любят сравнивать свое движение с движением первого христианства, и, действительно, кое-что общее тут есть. Как и первые христиане, кооператоры надеются возродить мир не мечом и насилием, а общей дружной работой на пользу всех; как и первое христианство, кооперация интернациональна — она стоит вне национальных рамок и свободно переливается за границы отдельных государств; как и христианство, кооперация стремится создать новый социальный мир, с новым человеком, новыми формами общественной жизни, новыми целями и новыми мотивами человеческого поведения.

Правда, в реальной жизни кооперативное движение является классовым движением. Но ведь и первое христианство в исторической действительности было классовым движением, движением социально обездоленных и эксплуатируемых классов греко-римского общества.

По своим же целям кооперация, как и первое христианство, стоит выше каких бы то ни было классовых интересов.

Идеал кооперации, как и современного социализма, есть внеклассовый идеал, общество, не знающее социальной эксплуатации.

Наличность в реальном кооперативном движении этой мощной струи социального идеализма доказывает недостаточность и несовершенство существующей кооперативной идеологии.

Ибо откуда бьет эта идеалистическая струя, если не из подлинного кооперативного идеала, который живет в сознании кооперативной массы?

Значит, существует же он, кооперативный идеал; значит, он не призрак, а некоторая реальность; значит, не компромисс кооперация, а некоторая абсолютная ценность, которую наука должна точно описать и установить ее действительную природу. И в этом случае, как и в стольких других, серая теория оказалась позади зеленеющей жизни. Бессознательный разум масс оказался выше ученых теорий.

Кооперативное движение не по недоразумению насквозь проникнуто, в своих высших проявлениях идеализмом, и я постараюсь показать, что кооперативный идеал не только существует, но что это самый высокий социальный идеал, какой только может себе представить слабая человеческая мысль.

2

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом совершенного анархизма. Кооперация отрицает какую бы то ни было власть человека над человеком, власть большинства над меньшинством совершенно так же, как и власть меньшинства над большинством.

Кооперация вполне свободна — кооператив никого не принуждает вступать в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. Всякий столь же свободно входит в кооператив, как и уходит из него.

В кооперативе нет принудительной власти. Правление, избранное членами, отнюдь не является такой властью, ибо каждый может избавиться от подчинения данному правлению, выйдя из кооператива. В этом существенное принципиальное и основное различие между правлением и правительством. Правительство в демократическом государстве (хотя бы это государство было социалистическим) также избирается прямо или косвенно большинством граждан, но оно является принудительной властью потому что само-то участие в государстве не является для каждого гражданина актом свободного волеизъявления.

Весь строй кооператива в каждый данный момент определяется связанным договорами участвующих в нем лиц и может быть во всякий момент изменен в желательном смысле. Правда, этот строй определяется волей большинства, и меньшинство должно склоняться перед этой волей. Тем не менее воля меньшинства нисколько не подавляется волей большинства, ибо меньшинство имеет полную возможность уйти из кооператива и построить новый, свой собственный кооператив, в котором получит полное проявление воля тех лиц, которые были не согласны с решениями большинства членов старого кооператива.

Таким образом, все лозунги анархизма находят себе полное проявление в кооперативе. Кооператив является, следовательно, организацией анархического хозяйства, иначе говоря, в кооперативе осуществляется в принципе самый высокий социальный идеал.

С точки зрения современного социального мировоззрения, признавшего человеческую личность высочайшей ценностью мира, абсолютной целью в себе, только свобода личности и может быть признана высшим социальным идеалом. Это открыли отнюдь не анархисты — это ясно и определенно формулировал величайший представитель философской мысли нового времени — Кант, категорически заявивший в своей «Метафизике нравов», что существует только одно приращенное, естественное право человеческой личности и этим правом является право каждого человека на свободу, независимость от принуждающей воли другого человека. Все прочие права человеческой личности суть следствие основного и единственного, первоначального естественного права.

Современное социальное мировоззрение признало личность человека верховной и абсолютной ценностью, целью в себе. Каждый человек есть бесконечно сложная, никогда не повторяющаяся индивидуальность, которая однажды приходит в мир, чтобы потом навсегда из него исчезнуть. Как верховная цель в себе человек не может быть никогда обращен в средство для других целей.

В этом смысле все человечество имеет не больше ценности, чем каждый отдельный человек. Ибо бесконечность не может быть увеличена ни от какого ее умножения.

“ — Представь, — говорит Иван Карамазов Алеше в «Братьях Карамазовых», — что ты возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого неминуемо предстояло бы замучить всего одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь, и на неотмщенных слезках его основано это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, чтобы люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а, приняв, остаться навеки счастливыми.

— Нет, не могу допустить».

И, конечно, иначе не может ответить ни один человек с нравственным сознанием. Даже ради всего человечества нельзя приносить в жертву человеческую личность, как бы ничтожен ни казался отдельный человек!

Социальным идеалом является такое состояние общества, при котором ничья личность не приносилась бы в жертву интересам целого, при котором все интересы были бы гармонично примирены и все были бы одинаково свободны. Совершенное общество есть общество вполне свободных людей.

К этому идеалу стремится человечество своим трудным и тернистым путем, через кровь, насилие и борьбу. Как далекая звезда, идеал свободы озаряет исторический путь людей и указывает им цель, к которой нужно направлять свои усилия.

В нашу историческую эпоху социальная борьба идет под знаком интересов большинства. Трудящиеся народные массы, эксплуатируемые незначительной группой неработающих, стремятся завоевать свою свободу. Но власть большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, и социальная борьба не прекратится, пока каждый не станет вполне свободен, пока не исчезнет какая бы то ни была власть человека над человеком.

Коллективизм, государственный социализм есть организация общества в интересах большинства. Коллективизм предполагает сильную государственную власть, поглощение воли отдельных личностей волей большинства.

Социалистическое государство стоит гораздо выше современного, в котором меньшинство господствует над большинством. Но господство большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, все же есть деспотизм и насилие.

Социальный идеал требует вполне свободного общества. Но, конечно, вполне свободное общество не есть общество, лишненное организации, и в свободном обществе одни люди должны руководить действиями других, а другие должны исполнять указания первых.

Но такое исполнение, чтобы быть свободным, должно основываться не на принуждении, не на власти руководителя, а на добровольном согласии исполнителя следовать указаниям руководителя.

Кооператив дает нам образчик свободного общественного союза уже в недрах современного общества, основанного на насилии. Правление кооператива не обладает принудительной властью, но его деятельность существенно важна для успеха кооперативной работы; правление организует все хозяйство кооператива, указывает задачи и цели каждого отдельного работника, устанавливает взаимную зависимость всех отдельных частей и элементов кооперативного хозяйственного целого, не опираясь ни на какой внешний авторитет, кроме согласия каждого члена кооператива подчиняться решениям большинства.

Правда, реальная кооперация, которая объединяет миллионы трудящихся во всех странах, не может считаться выражением вполне свободной хозяйственной организации.

Дело в том, что в основе огромного большинства современных кооперативов лежит наемный труд. Рабочий, работающий по найму в кооперативе, работает в нем не потому, что эта работа соответствует его желаниям и влечениям, а под влиянием голода и нужды — совершенно так же, как и при работе в капиталистическом предприятии.

В кооперативе, основанном на наемном труде, свобода существует лишь во взаимных отношениях хозяев кооператива — его членов. Но в отношениях кооператива к тем, кто выполняет в нем трудовую функцию, царит такая же принудительная власть имущего над неимущим, как и в отношениях капиталиста-предпринимателя к своему рабочему.

Значит, современная кооперация лишь в принципе является свободным хозяйственным союзом; в реальной же действительности кооперация, как общее правило, опирается на насилие, подобно капиталистическому предприятию.

Однако это верно только по отношению к части современной кооперации, именно к той части последней, которая основывается на наемном труде.

Вся же трудовая кооперация имеет иной характер. Трудовая кооперация действительно является вполне свободным хозяйственным союзом трудящихся лиц. Трудовая кооперация стремится осуществить, таким образом, в своих внутренних отношениях уже хозяйственный строй идеального общества.

3

Трудовые кооперативы являются во всех отношениях свободными хозяйственными организациями, ни с какой стороны не опирающимися на принуждение.

Правда, именно благодаря этому, трудовые кооперативы при современных условиях хозяйства оказываются наименее жизнеспособными и распространенными, представляя в этом отношении разительный контраст с кооперативами, основанными на наемном труде.

Но по той же самой причине, по которой в капиталистическом обществе только кооперативы, основанные на наемном труде, могут иметь успех, в социалистическом обществе для всех этих кооперативов места не найдется.

Все кооперативы, основанные на наемном труде, объединяют те или другие группы собственников. Уничтожение частной собственности упразднит в социалистическом обществе всю эту кооперацию.

Однако одна группа кооперативов возможна и при социалистическом строе, именно трудовая кооперация. Дня кооперации этого рода найдется место и при социализме по той причине, что государственный социализм объединяет и организует национальный труд на принудительном начале, между тем как трудовая кооперация исполняет то же на началах полной свободы трудящихся.

Чтобы предотвратить подавление личности обществом, в социалистическом государстве крайне важно оставить открытым путь к совершенно свободным хозяйственным организациям. Такими свободными организациями являются в социалистическом обществе трудовые кооперативы различных типов.

Прежде всего в социалистическом государстве должны получить большое развитие производительные артели. На государственных и муниципальных фабриках работа должна исполняться на основе всеобщей трудовой повинности, причем не может быть предоставлено полной свободы в выборе рода труда. Конечно, чрезвычайно важно во всех отношениях, чтобы ограничения в выборе занятий были сведены к минимуму. И это вполне достижимо при помощи регулирования продолжительности труда в зависимости от его большей или меньшей привлекательности и других соответствующих мер.

Однако полной свободы в выборе труда при государственной или муниципальной организации производства все же не будет, ибо государственная власть не может не настаивать на том, чтобы все продукты, в которых нуждается население, и в соответствующей пропорции для каждого продукта были изготовлены.

Принудительно организуемый труд в социалистическом государстве еще долгое время должен иметь первенствующее значение в области производства всех тех продуктов, которые жизненно необходимы для общества и производство которых в то же время мало привлекательно для человека само по себе.

Сюда относится, например, горное дело. Работа в глубоких рудниках и шахтах мало кому может быть приятна, но общество без нее обойтись не может.

Однако принудительный хозяйственный труд сам по себе настолько нежелателен, что он должен быть сведен к возможному минимуму. Принудительная система труда должна быть восполнена в социалистическом государстве трудом совершенно свободным, организуемым на началах кооперации.

Государство и его местные органы могли бы брать на себя организацию тех родов труда, которые мало привлекают добровольных рабочих. Вместе с тем государство могло бы открывать возможность образования разного рода свободных трудовых кооперативов.

Эти трудовые кооперативы могли бы возникать следующим образом. Государство при социалистическом строе является владельцем и верховным распорядителем всех общественных средств производства. Но нет никакой необходимости, чтобы государство во всех случаях и неизменно само руководило общественным трудом.

Возможен и такой порядок. Государственная власть отдает во временное пользование те или иные средства производства трудовым кооперативам. Трудовые кооперативы берут на себя обязательства выполнять все требования, которые им предъявит государство, и прежде всего поставлять в государственные склады и магазины определенное количество продуктов.

Весьма возможно, что при такой передаче общественных средств производства в пользование рабочей ассоциации государство обеспечит себе большее количество продуктов, чем при непосредственном использовании данных средств производства при помощи трудовой повинности. Эта возможность объясняется благоприятным влиянием свободы частной предприимчивости и организации труда на добровольных началах.

Всякая государственная организация страдает бюрократизмом и шаблонностью выполнения. Государственная власть может рассчитывать только на среднего рабочего, среднюю производительность труда, среднюю изобретательность, предприимчивость и т.д. Рабочий на государственной фабрике не имеет никаких мотивов развивать более чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта. То же нужно сказать и о руководителях хозяйственных процессов — техниках, инженерах и пр.

Трудовая кооперация должна дать выход свободным творческим силам общества. Группа рабочих берет на свой страх и риск определенный комплекс средств производства, принадлежащих государству. Государство обеспечивает свои интересы обязательством, возлагаемым на образующийся трудовой кооператив, поставлять в пользу государства необходимое количество продуктов.

Но рабочая группа может произвести большее количество продуктов или продуктов лучшего рода, чем те, которые производились раньше при помощи данных средств производства. Избыточное количество продуктов, равно как и выгода улучшения их качества, достается самому кооперативу.

Таким образом, члены кооператива получают мотив развивать более чем среднюю энергию труда, более чем среднюю предприимчивость, изобретательность и пр.

В трудовые кооперативы будут объединяться люди выше среднего уровня, между тем как для рядовых рабочих будут открыты государственные и муниципальные мастерские.

Возможность большего заработка в трудовых кооперативах будет вполне оправдываться большей производительностью труда членов этих кооперативов сравнительно с рядовыми рабочими. С другой стороны, эта возможность большего заработка будет компенсироваться риском заработать менее: если кооператив не выполняет перед государством своего обязательства поставить определенное количество продуктов (соответствующее среднему поступлению продуктов при государственной организации труда), то члены кооператива обязываются возместить государству недостающую ценность из своего собственного трудового дохода.

Трудовые кооперативы, возникающие таким образом, будут двоякого рода. Одни из них будут объединять производителей того же продукта, другие будут объединять производителей различных продуктов, удовлетворяющих потребностям членов трудовой группы. Кооперативы первого рода образуют собой производительные ассоциации, кооперативы второго рода — общины.

Областью производительных ассоциаций явится промышленность, областью общин — сельское хозяйство.

Идеал коммунального социализма, представителями которого были Фурье и Оуэн, в наше время должен считаться устаревшим путем хозяйственного развития.

Мы не можем в настоящее время представлять себе будущее общество, распавшимся на независимые или почти независимые друг от друга небольшие общины, которые соединят внутри себя сельское хозяйство с промышленностью и будут удовлетворять большую часть своих потребностей своим собственным трудом. Коммунальный социализм игнорирует огромное значение территориального разделения труда внутри общества, а также необходимые размеры концентрации промышленного производства.

Внутри социалистической общины не найдется места ни для современного металлургического завода, ни для угольной копи, ни для современной фабрики.

Распадение социалистического общества на отдельные общины знаменовало бы собой отказ от всей современной техники с ее железными дорогами, машинами и пр. И, конечно, на такой отказ человечество не пойдет.

Тем не менее коммунальный социализм все же заключает в себе зерно истины. Зерно это заключается в идее сельскохозяйственной общины.

Как всем известно, и как это множество раз доказывалось в специальной литературе, выгоды крупного производства в сельском хозяйстве гораздо менее значительны, чем в промышленности. В некоторых отраслях сельского хозяйства, например в интенсивном животноводстве, выгоды эти почти исчезают, так как уход за молодыми животными и птицей требует такой тщательности и такой индивидуализации труда, которые недостижимы при крупных размерах производства.

Тем не менее в большинстве случаев и в сельском хозяйстве крупное производство представляет известные, хотя и не столь большие, выгоды сравнительно с мелким; но выгоды эти компенсируются преимуществом трудового хозяйства перед капиталистическим.

При социалистическом строе крупное сельское хозяйство с точки зрения интересов всего общества явится более желательным, чем мелкое, ибо при крупном хозяйстве общество будет обеспечено в наибольшем количестве предметами питания.

Между тем в настоящее время в большинстве стран в сельском хозяйстве решительно преобладает мелкое производство, причем в силу социальных условий наблюдается постепенное вытеснение мелким сельским хозяйством крупного; в России этот процесс разрушения крупного сельского хозяйства принял в связи с революцией 1917 г. особенно стремительный характер.

Таким образом, ко времени возникновения социалистического строя сельское хозяйство будет в большинстве случаев в руках мелких хозяев — крестьян.

Крестьяне во всех странах обнаруживают большую привязанность к своим привычным формам хозяйства. Везде, кроме Англии, крестьяне составляют очень многочисленный класс

населения, а во многих странах и большинство населения. Нечего и думать о каком бы то ни было насилии социалистического общества над крестьянским классом: где сельское хозяйство находилось до эпохи социализма в руках крестьян, там оно останется в тех же руках и после осуществления социалистического строя.

Каким же образом крестьяне могут прийти к крупному сельскому хозяйству? Только через трудовую кооперацию.

О фаланстерах в настоящее время мечтать не приходится, и, вероятнее всего, члены сельской общины будущего предпочтут жизнь не в общем социальном дворце, а в отдельных домах, как и в настоящее время. Еще менее приходится рассчитывать на то, что сельская община объединит в своей среде сельское хозяйство и промышленность. Только мелкое производство промышленных изделий могло бы получить некоторое развитие в социалистической общине, и очень вероятно, что это производство в социалистической общине будет иметь место, так как сельские производители располагают зимой свободным временем, которое они могут с пользой употреблять на изготовление промышленных продуктов.

Можно себе представить, что социалистическая община будет перерабатывать свои продукты и при помощи машин благодаря электрической энергии.

Электричество не произвело в капиталистическом обществе промышленной революции и не вернуло былого значения мелкому производству, как на это рассчитывали очень многие. Но возможно, что при социализме передача электрической энергии на расстояние поведет к тому, что мелкое промышленное производство оживет и в сельской общине заработают сотни станков, приводимых в движение из центральной электрической станции.

Все это возможно и весьма желательно. Однако все же выгоды крупного производства в промышленности столь значительны, что центром тяжести промышленного производства и при социализме останется фабрика, а не сельская община. В лучшем случае мелкое промышленное производство в общине составит при господстве социализма существенное дополнение к фабричной промышленности.

Социалистическая община будет построена по другому принципу, чем производительная ассоциация. А именно: в производительной ассоциации объединяются рабочие, изготавливающие тот же продукт. Напротив, в общине объединятся производители разнообразных продуктов, работающие не только на нужды всего общественного целого, но и для удовлетворения своих собственных потребителей.

Социалистическая община должна иметь характер автономной хозяйственной организации, живущей в значительной мере своими собственными продуктами. В этом смысле идеалы Оуэна и Фурье сохранили и теперь свое значение.

Но, конечно, социалистическая община не будет верховным хозяином своих средств производства. Над общиной будет социалистическое государство.

Подобно тому как государство предоставляет на известных условиях средства производства производительным ассоциациям, точно так же государство будет поступать и по отношению к общинам. Верховным хозяином земли, которой пользуется данная община, останется все общество в лице государства. Но государственная (или хотя бы муниципальная) организация сельскохозяйственного производства трудно осуществима во всех тех случаях, когда социализм застанет сельское хозяйство в руках крестьян.

Во всех этих случаях задачей социалистической сельской политики будет развитие сельских общин с общим производством сельскохозяйственных продуктов. Каждая община будет обязана поставлять в пользу государства известное количество продуктов, которые затем будут тем или иным порядком распределяться между остальным населением.

За вычетом этого количества продуктов община будет совершенно свободно распоряжаться создаваемым ею богатством. Но для успеха всей этой организации весьма важно, чтобы она имела не принудительный, а вполне добровольный характер, чтобы общины возникали как трудовые кооперативы, а не как учреждения, навязываемые сельскому населению.

В таких кооперативных социалистических общинах возможна будет весьма различная степень кооперирования различных сельскохозяйственных процессов.

Некоторые из этих процессов будут кооперированы до конца — весь соответствующий труд будет исполняться общими силами всех членов общины и продукт будет безраздельно принадлежать всей общине, которая по уплате следуемого государству будет распоряжаться остатком совершенно свободно по своему усмотрению: распределять его на тех или иных основаниях между членами общины, сохранять в общем нераздельном пользовании или же сбывать в свою пользу через посредство государственных и муниципальных магазинов остальному населению. В других случаях процесс производства того или иного продукта будет находиться частью в руках всей общины или известной доли ее членов, частью исполняться трудом отдельных лиц.

Наконец, в-третьих случаях возможно, что процесс производства с начала до конца будет исполняться трудом отдельных лиц.

Так, например, более простые сельскохозяйственные процессы, как производство хлеба, могут быть легко кооперированы до конца: вся община будет сообща пахать поле, собирать урожай и молотить его.

Напротив, в молочном хозяйстве возможно будет разделение процесса производства на две ступени: уход за коровой и получение молока могут быть делом отдельного лица, но переработка молока в масло должна исполняться особым трудовым кооперативом, причем в состав этого кооператива будут входить не все члены общины, но лишь те из них, которые заняты молочным хозяйством.

Однако социалистическая маслодельная артель будет тем отличаться от современной, что современная построена на наемном труде лиц, занятых переработкой молока в масло, между тем как в социалистической артели наемных рабочих не будет: маслоделы и все рабочие маслодельного завода-будут такими же полноправными членами маслодельного

кооператива, как и владельцы коров, поставщики молока.

Доход в социалистической маслодельной артели будет распределяться поэтому не по количеству поставленного молока, а по каким-либо иным основаниям.

Наконец, в огородничестве для собственного потребления возможно сохранение с начала до конца индивидуального производства. Небольшие огороды составляют естественное дополнение домашнего хозяйства, и поскольку домашнее хозяйство сохранит свой обособленный характер (а наиболее вероятно, что социализм не уничтожит обособленности домашнего хозяйства, связанного с характером современной семьи, — пока сохранится современная семья, до тех пор обособленный домашний очаг будет привлекать человека), постольку и огородничество будет делом каждой отдельной семьи в общине.

Само собой разумеется, что весь сбыт продуктов социалистической общины, равно как и все совершаемые ею закупки, должны быть делом коллективного целого.

Таким образом, почти все виды современных кооперативов, кроме кредитных, найдут себе место в социалистической общине будущего, с тем, однако, существенным различием сравнительно с кооперативами нашего времени, что они, по необходимости, примут характер трудовых кооперативов и, соответственно этому, должны будут существенно измениться в своей внутренней структуре.

Итак, свободная кооперация найдет себе в социалистическом обществе широкое применение.

Кооператоры не должны думать, что этот хозяйственный строй, который они создают, представляет собой низший социальный тип, сравнительно с социалистическим государством.

Нет, кооперация представляет собой более высокий социальный тип, чем коллективизм, ибо коллективизм является организацией, основанной на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза.

Конечно, современная кооперация, основанная на наемном труде, кооперация, платящая проценты на капитал, кооперация, эксплуатирующая рабочего и охраняющая интересы мелкого собственника, очень далека от того общественного идеала. Но современный облик кооперации есть результат приспособления кооперации к той социальной среде, в которой она возникла, — к среде капиталистического общества. В кооперации, однако, заложены основы и совершенно иного хозяйственного строя, стоящего выше не только капитализма, но и коллективизма.

Этот новый, свободный хозяйственный строй возник, в виде кооперации, уже в пределах капиталистического хозяйства, которое развивается, таким образом, в двух различных направлениях; с одной стороны, в сторону коллективизма, государственного социализма; с другой стороны, в сторону свободных анархических хозяйственных союзов, выражением чего является кооперация.

Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, — не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом.

Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества.